

К. А. Кочегаров
(Москва)

Как поссорился Иван Степанович со Львом Кирилловичем: к вопросу о неформальных взаимоотношениях украинских гетманов и царских вельмож

В статье рассматривается конфликт между украинским гетманом И. С. Мазепой и боярином Л. К. Нарышкиным в рамках неформальных отношений русской и украинской элит.

Ключевые слова: *русско-украинские отношения, неформальные связи, И. С. Мазепа, Л. К. Нарышкин*

Неформальные взаимоотношения украинских гетманов и царских сановников в последнее время пользуются пристальным вниманием историков¹. Обращение к этому важному сюжету помогает лучше понять развитие и функционирование всей системы русско-украинских взаимоотношений второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. Как правило, источники раскрывают нам стремление украинской элиты заручиться поддержкой русских вельмож, которая используется не только в личных, но и политических целях. Для российской стороны подобные контакты открывали дополнительную возможность укрепления своего влияния на Украине. Однако развитие системы неформальных взаимоотношений могло омрачаться и конфликтами. Одному из них и посвящена настоящая статья.

Одним из проявлений русско-украинского сближения во второй половине XVII в. стал заметный приток в Великороссию, и особенно в Москву, уроженцев Малороссии. Среди них были и те, кто добровольно или по принуждению пополнял ряды боярской челяди и слуг. Украинцы привлекали русскую знать по разным причинам: знакомством с притягательной для нее в отдельных аспектах латинской (западной) культурой, техническими навыками и т. д. Так, в письме от 9 декабря 1683 г. руководитель русской дипломатии В. В. Голицын просил тогдашнего гетмана Ивана Самойловича «постараться от ваших стран о млынаре добром, которой мне как внов к мелничному заводу, так и старых к насмотру zelo надобен, о чем су-

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

губо... прошу и обещаю о том отслужит»². Известна популярность при дворе царя, патриарха и знатных вельмож украинских мастеров партесного пения³. Среди любителей последнего был и дядя царя Петра Великого, в 1690-е гг. один из руководителей правительства страны, боярин Лев Кириллович Нарышкин. Известно, что служивших у него украинских певчих он без каких-либо препятствий отпускал домой по истечении срока службы⁴. Так, в 1703 г. им был отпущен на родину «черкашенин» Ефим Высоцкий, «которой несколько лет при дворе ево был и службу свою во чтении и пении церковном добре отправлял»⁵.

Однако зимой 1703–1704 гг. между украинским гетманом И. С. Мазепой и Л. К. Нарышкиным возник конфликт из-за служившей у последнего украинской челядницы.

Это была карлица Матрона Пучковская, которая оказалась при дворе Л. К. Нарышкина где-то в 1691 г. Она являлась не крепостной, а казачкой и считалась находящейся при боярине «на услугах». Отец ее был «на службе монаршеской последнего походу чигиринского на войне под Чигирином от турков убит и голову свою там положил» (1678). Карлы и карлицы пользовались популярностью при дворах знати, и, возможно, сам гетман отдал ее в услужение Нарышкину, чтобы заручиться поддержкой могущественного вельможи. В боярском доме Матрона, по-видимому, прислуживала и развлекала женщин семьи Нарышкиных.

К 1703 г., прожив в Москве все это время «безотходно», составившись, Матрона, жалуясь на болезнь ног и слабость зрения, стала хлопотать о своем отпуске на родину. К делу подключились ее многочисленные родственники, проживавшие в селе Поповка Конопотской сотни Нежинского полка (располагалось в трех милях от Батурина) и окрестных селениях. Накануне очередного визита Мазепы в Москву они, во главе с братом Матроны, составили «плачливую челобитную» с просьбой отпустить родственницу домой. Представитель рода (в источнике он определяется как «зять», возможно, брата карлицы) был включен в свиту прибывшего в столицу гетмана, где вручил прошение Нарышкину. Боярин согласился отпустить служанку домой, но только на время. С этой целью он выслал вместе с ней сопровождающего. Однако, приехав в Поповку, Матрона отказалась ехать в Москву под предлогом того, что «для крайней своей немощи не может больше служить в старости своей». Последние годы своей жизни она намеревалась провести в монастыре. Поповские жители и родичи вновь обратились к Мазепе, «не хотя оной

всеконечно к Москве отпускати», чтобы гетман «им в том насилия не чинил». Среди челобитчиков, помимо «посполитых», были местные «казаки давные и заслуженные» и два священника. Мазепа уступил, и человек Нарышкина повез в столицу вместо карлицы челобитную ее родственников. Однако Л. К. Нарышкин посчитал себя оскорбленным, направив своего слугу с претензиями к Мазепе⁶.

В конфликт вмешался руководитель русской дипломатии – Ф. А. Головин, написавший гетману письмо в середине января 1704 г. Он ссылаясь на недавнюю, «в сих днях», встречу с царским дядей. Нарышкин обратился к Головину, «зело великую жалобу произнося» на гетмана об обиде, «которую он получил... увозом малой девицы карлочки». Утверждалось, что Мазепа ее «напред сего... ему подарил». Боярин настоял, чтобы Головин «нарочно» послал вместе со своим письмом подьячего Сергея Ляпунова для возвращения служанки на боярский двор. Словно понимая неловкость ситуации и неправоту Нарышкина, Головин «нижайше» просил Мазепу уступить настояниям царского родственника, обещая услужить взамен. Характерна зачеркнутая приписка к письму: «Прошу твоей любви, сие дело можешь управить и того подьячего с тою девицею немедленно отпустить, для того, что послан тот подьячей по указу всемилостивейшаго царя нашего и государя»⁷.

В ответ гетман оправдывался: «А я Бога самага души и совести моей свидетеля представляю, что до той карлицы никакого не имею дела и подлинно она мне не потребна и ни на что не надобна, понеже я не имею ни жены, ни дочери, ни сестры для которой бы имел оную у себя удержать». Он заявлял, что будучи готов «прислужитись», послал в Поповку вместе с боярским слугой своего человека «наговаривать оных и самую [Матрону] всякими способами, дабы опять во двор боярина его милости возвратилась и хотя б еще два или три года послужила, а велел оную тем обнадеживати, что по совершении трилетняго времени опять сюда к сродником своим отпущена будет». «Сродникам» якобы было обещано денежное вознаграждение («десяток и другой рублев»), при этом казакам и посполитым – освобождение соответственно от воинской службы и «тягостей и повинностей» на срок службы Матроны в Москве. Священники были «обнадежены» передачей им части доходов с окрестных мельниц. Однако все оказалось тщетным. Род Матроны резко выступил против, подав гетману новую, уже третью челобитную, заявив, «что естли де ту нашу племянницу к Москве пошлешь, то и нас всех с нею скававши посылай». Оправдываясь, Мазепа писал Головину, что

«никакою мерою нельзя мне в свободном народе ни малого чинити насилия и неволи, чрез что бы на себя не толко от тех ее карлицыных свойственников, но и от посторонних людей в народе малороссийском навел поречения». «Если бы та карлица была сирота безродная, не имеющая так много, а наипаче знатных и заслуженных казаков родственников своих, тогда бы я для любви боярина его милости множество грехов покрывающей, хотя бы и совести моей христианской нарушил [понеже то есть небезгрешно кого неволею давати или даровати, когда ж она не есть бусурманка и не неволница], – писал Мазепа, – приказал бы я ту карлицу, поневоле в сани кинув, на двор его милости к Москве допроводити, но она хотя карлица, возрастом и образом самая безделица, однако роду доброго казацкого и заслуженного». Гетман соглашался исполнить требование Нарышкина о возврате челядницы и высылке в Москву ее протестовавших родственников только при получении именного царского указа⁸.

К письму Мазепа приложил последнюю, третью челобитную родственников Матроны (содержание ее в значительной мере отражено в гетманском письме). Они трактовали ее возможное «взятъе» в Москву к боярскому двору как нарушение «вольностей... казацких, которых особливо от Бога нам данным заступником». Вспоминая смерть под Чигириным отца Матроны, ее дядья-казаки заявляли: «А мы все братия ево и сродники в походах воинских житие и здорovie наше за достоинство монаршеское несем не для чего иного, толко для волностей». Если же Нарышкин Матрону «насилу возмет, пусть и всех нас сковав к себе куды хошет везет», – восклицали челобитчики. Прошение подписали дядья карлицы – Родион и Яков Пучковские, Максим Еремеевич, священник с. Митченки, Иоанн Максимович, священник с. Обмачев, Иван Кирченко, атаман с. Поповка и одновременно конотопский сотник, казаки той же сотни Семен Забияка, Мирон Юрьев и соседней бахмацкой Павел Матвеев и др.⁹

В нашем распоряжении недостаточно данных, чтобы однозначно идентифицировать родовые связи казачки Матроны. Возможно, что она приходилась родственницей Павлу Пучковскому, нежинскому протопопу, умершему в 1703 г., незадолго до описываемых событий. Известен также казацкий, а впоследствии дворянский род Пучковских, связанный в основном со Стародубщиной, где его представители (среди них – некий Яков Пучковский) занимали полковые должности, были значковыми и войсковыми товарищами, владели населенными имениями. Кроме того, В. Л. Модзалевский приводит как не вошедшего в родословную роспись Пучковских священника

уже упоминавшегося с. Митченки – еще одного Якова Романовича Пучковского (упоминается под 1731 г.)¹⁰. Так или иначе, Матрона, скорей всего, принадлежала к разветвленному роду, среди которого были представители как полковой и сотенной старшины, так и духовенства. От их коллективного прошения гетман Мазепа не мог так легко отмахнуться. Более того, отчасти он даже был заинтересован в лояльности отдельных представителей клана Пучковских.

Дело в том, что находившаяся совсем недалеко от Конотопа Поповка не была простым селом. Уже в 1654 г. в ней существовали две церкви, почти 400 дворов, примерно поровну казацких и «мещанских». Население тесно было связано с близлежащим Конотопом – центром сотни. Именно при И. С. Мазепе часть поповских казаков, по выражению А. Лазаревского, были взяты «в личную прислугу гетмана», в том числе для присмотра за гетманским обозом в походе и дома. Служба эта была несравненно более легкой, чем обычная сотенная казацкая служба. Местные селяне также были связаны тесно с Мазепой, платя налоги на гетманский двор в Батуринае¹¹. При гетманском дворе служил и брат Матроны Пучковской¹². Учитывая эти обстоятельства, становится понятно, что перед нами не просто заступничество гетмана за казацкую дочь, а поддержка собственных придворных, которых нельзя отождествлять с полностью зависимой от господина челядью.

Как уже отмечалось, в свое время Мазепа сам предложил Матрону в услужение Нарышкину именно как карлицу. Теперь же, когда в покровительстве отстраненного от дел боярина он уже не особо нуждался, гетман счел возможным поддержать просьбы своих слуг об отпуске Матроны домой.

Где-то в конце января 1704 г. в русскую столицу прибыл слуга Мазепы, знатный войсковой товарищ Самойло Васильев. Он привез специальные, периодически посылаемые подношения от гетмана на царский двор – дичь («зверину»): пять оленей, восемь лосей, шесть сарн (серн?) и несколько «сугаков» (сайгаков?). Помимо этого, отдельная порция «звериной» (лось, кабан и две серны) предназначалась лично Ф. А. Головину, «дабы ваша велможность, – как писал гетман, – при всецелом и добром здравии оную употреблял»¹³. Головин любезно благодарил Мазепу за угощение¹⁴.

С. Васильев имел также поручение приобрести «про его гетманской обиход» необходимые съестные припасы (бочку уксуса, бочку свежих сельдей, четыре ящика французских слив «теперешнего привозу», 10 фунтов свежего миндаля, два вида кураги: 5 фунтов

«мореліов в цукре смажоных» и столько же «мореліов сухих», полтораста копченых сельдей, кулек чечевицы, по полкулька «больших» бобов и гороха, по 4 фунта кедровых и других орехов и, наконец, 30 фляжек «цефаликовой водки, що на голову зливается») и промышленные товары (45 «блях железа белого», 20 пудов меди, олово, «юфти 200 кож»). Все это по просьбе хозяйственного Мазепы было разрешено вывезти на Украину беспошлинно на ямских подводах¹⁵. В Батурин гетманский слуга возвратился 27 февраля 1704 г.¹⁶

Поездка гетманского «мажордома» в Москву, имевшая хозяйственные и представительские цели, неожиданно обострила конфликт вокруг карлицы Матроны. Л. К. Нарышкин каким-то образом встретился с гетманским посланцем, в резких выражениях выругав его патрона. Как писал обеспокоенный Мазепа Головину, царский дядя «завше меня... лаёт и всячески гонор мой бедний гетманский поносит, навет и посланнику моему Самойлу, який со зверем к Москве был послан, говорыл, учиню мовит, ему такую беду я[кой] он никак на себе не сподевается; будет мовит тое и ему, що и иншим гетманом». Нарышкин, вспоминая недавнюю встречу с гетманом, обвинял его, что тот «з запорожцами... приехал еще от нас челяди отнимати», заявлял, что якобы знает о его поступках, по-видимому не совсем благовидных («знаем, мовит, мы тое, як гетман поступает»).

Характерно, что Мазепа здесь поставлен в один ряд с запорожцами, которые и в Москве, и в Батурине ассоциировались с понятиями «своеволия» и нередко даже и «измены». Угрозы Нарышкина, пусть и высказанные в порыве гнева, тем не менее показывают, что отдельные представители русских правящих кругов видели в гетмане несамостоятельную фигуру, которая могла лишиться своего положения по воле царского правительства.

Перед лицом таких оскорблений Мазепа выразил готовность смягчить свою предыдущую позицию. Вновь оправдываясь, что Матрона «хочь есть упирица малая... роду казацкого и много мает крвних значних» в Конотопской сотне, теперь гетман предлагал царскому дяде в качестве компромисса послать на Украину своих людей, которые «возмут ей в селе Поповци з двора ей отческого кгвалтом». При этом Мазепа обязался закрыть на преступление глаза: не «боронити» ее и не посылать за похитителями погоню¹⁷.

Между тем Нарышкин продолжал докучать Головину, и 3 марта было подготовлено очередное письмо Мазепе с просьбой вернуть Матрону господину, дословно повторявшее предыдущее¹⁸. В этот момент глава русской дипломатии, видимо, получил вышеописанные жалобы

Мазепы. Он потребовал от царского дяди, который, как писал Головин, «каким будто образом фукал на милость твою и выговаривал Самоилу твоему соображением недостойно гонора твоего», объяснений по поводу оскорбления гетманской чести. Нарышкин отрицал, что оскорбил Мазепу, «и утверждался в том свидетелством верным и толко де говорил о карлице, а что о запорожцах и о протчем никогда ничего не воспоминал». Головин ставил под сомнение показания мазепинского слуги, подчеркивая, что Нарышкин «воздержателный язык имеет» и вряд ли мог сказать что-то подобное. Но в то же время руководитель уверял Мазепу: «И вернее и впредь остерегать особу твою за верную твою службу к престолу монаршему буду». Все это содержалось в приложенной к письму от 3 марта цедуле¹⁹.

Особую пикантность ситуации, в которой Головин выступал медиатором в конфликте боярина и гетмана, придавало то, что в конце 1690-х гг. именно он сменил Нарышкина на посту руководителя российской внешней политики. Продолжая оставаться во главе Посольского приказа еще некоторое время, царский дядя утратил всякое реальное влияние в пользу нового фаворита. Известный своей ревностью и даже враждебностью в отношении политических соперников, Нарышкин вряд ли дарил Головина своей приязнью. Не исключено, что случай с карлицей был использован им, чтобы лишний раз добавить хлопот и без того перегруженному работой царскому сподвижнику²⁰.

В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание на любопытную «цедулу», приложенную к письму Ф. А. Головина И. С. Мазепе от 9 марта 1704 г., отправленному спустя неделю после послания, поднимавшего вновь проблему Матроны. Текст ее стоит привести целиком: «Что изволил ты ко мне писать о фуканье дурака, изволь сие присмотреть, мочно знать, что говорит и сам не ведает, в такую пришел ныне знатную глупость, что сам после изволишь слышать»²¹. Т. Г. Таирова-Яковлева полагает, что это реакция Головина на известия Мазепы о лидере правобережного казачества Семене Палее²². Однако в подобном суждении есть некоторые противоречия. Во-первых, Головин писал о человеке, которого видел и знал не только Мазепа, но и он сам. Палея же русский вельможа никогда не видел. Кроме того, в упомянутом письме рекомендации Мазепе относительно Палея содержатся в другом месте, и текст о «фуканье дурака» с ними никак не связан. В-третьих, про «фуканье» Нарышкина идет речь в письме от 3 марта. Вероятно, перед нами несколько завуалированная (понять, о каком «дураке» идет речь, могли только

посвященные в дело люди) поддержка, которую Головин выразил Мазепе в конфликте с царским дядей, хотя на официальном уровне и призывал гетмана уступить его домогательствам.

К сожалению, доподлинно неизвестно, чем закончилось разбирательство и вернулась ли Матрона в Москву или осталась на Украине. Менее чем через год, в январе 1705 г., Л. К. Нарышкин умер, и весь инцидент, таким образом, должен был разрешиться сам собой. Тем не менее история с карлицей демонстрирует нам примечательную черту, характеризовавшую неформальные отношения гетмана и царских вельмож. Их, очевидно, нельзя сводить лишь к взаимным комплиментам и услугам. Чем больше связей заводил при царском дворе гетман, стараясь завоевать расположение того или иного аристократа, тем сложнее ему было сохранять нейтралитет в тех распрях и интригах, которые плелись вокруг царского престола, либо же избегать уступок, которые содержали потенциальную опасность умаления его авторитета в казацкой среде. И дело тут не только в оскорбительном для гетмана сопоставлении с запорожцами или малореальной угрозе Нарышкина организовать Мазепе то, что и «иным гетманом» (здесь уместно напомнить, что предшественник Мазепы, И. Самойлович, был свергнут в результате сговора русских властей, доверие которых он утратил, и казацкой старшины). Стремление завоевать расположение царского дяди в начале 1690-х гг. теперь оборачивалось для Мазепы перспективой скрытого недовольства со стороны его собственной казацкой прислуги, неминуемого, если бы предлагавшийся гетманом план похищения карлицы был осуществлен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Кочегаров К. А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012; *Лазарев Я. А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 408–432; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. Глава 8.

2 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 20. Л. 46.

3 *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 317–329.

4 Там же. С. 326.

5 Батурицкий архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. СПб., 2014. С. 45.

6 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 8 февраля 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 146–148, 149 об., 151 об.

7 Ф. А. Головин – И. С. Мазепе. 15 января 1704 г. Москва // Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 36 – 36 об. В черновике указан только месяц, точная дата письма устанавливается по описи архива И. С. Мазепы. См.: Батурицкий архив... С. 95.

8 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 8 февраля 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 148–151 об.

9 Там же. Л. 152–154.

10 *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1914. Т. 4. П–С. С. 202–208.

11 *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1893. Т. 2. Полк Нежинский. С. 228–232.

12 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 146 об.

13 И. С. Мазепа – Ф. А. Головину. 14 января 1704 г. Батурицкий архив // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95. Л. 64–65.

14 Ф. А. Головин – И. С. Мазепе. 3 февраля 1704 г. Москва // Там же. Л. 121–121 об.

15 «Память, що треба мувити пану боярину» (Инструкция С. Васильеву о необходимости получить подводы и право на беспошлинный вывоз товара) // Там же. Л. 67–68; «Реестр покупки панской...» // Там же. Л. 70, 71; Память от 12 февраля в Ратушу о беспошлинном вывозе гетманских товаров // Там же. Л. 122.

16 Там же. Л. 199 и 217 об.

17 Цедула к письму И. С. Мазепы Ф. А. Головину. [1704 г.] // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 168. Текст попал в дело 1707 г. ошибочно.

18 Там же. 1704 г. Д. 2. Л. 55, 56, 58. Сохранилось два черновика письма, практически идентичных.

19 Там же. Л. 57.

20 *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 216–220 (описание скандала, устроенного пьяным Л. К. Нарышкиным сопернику, князю Б. А. Голицыну, на с. 213). О чрезмерной занятости Ф. А. Головина см.: Там же. С. 240–241, 245.

21 Батуринский архив... С. 110. После окончания цитаты, по моему мнению, должна стоять точка, тогда как в публикации предложение продолжено. Именно так текст разделен на «цедулы» в еще одном варианте чернового письма, неизвестном публикаторам. Причем «цедулы», судя по всему, написаны Ф. А. Головиным собственноручно. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 62.

22 *Таурова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. С. 257.

К. А. Kočegarov

The tale of how Ivan Stepanovič quarelled with Lev Kirillovič:
some remarks about the private relationships of the Ukrainian hetmans
and the Russian aristocrats

The paper discusses the conflict between Ivan Mazepa, the Ukrainian hetman and the Russian boyar Lev Naryškin within private relationships of the Russian and Ukrainian elites.

Key words: *Russian-Ukrainian relationships, private contacts, Ivan Mazepa, Lev Naryškin*